

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 31.07.2002

Номер выпуска: 138

Заглавие: Судьба моя - Таганрог

Автор: С. Шило

Глава из ненаписанной книги

В Таганрог я приехал летом 1965 года. Приехал достаточно случайно. Отработав более трех лет на шахте «Ясиновская» в Макеевке, собирался поступать на математический факультет во вновь открытый университет в Донецке. Но друзья увлекли рассказами о радиотехническом институте в Таганроге. Городе, о котором я тогда ничего не знал, кроме того, что он родина Чехова.

Вот так и получилось: приехал в Таганрог, что называется, «за компанию», а остался здесь навсегда. О чем никогда не жалел. Хотя к городу, его жителям, их нравам и обычаям привыкал долго. А привыкнув, поняв, изучив как следует его историю, почувствовав его непередаваемую, особую ауру, полюбил Таганрог непреходящей любовью. О чем говорю, не стесняясь, всюду. И, как могу, всю жизнь доказываю эту любовь...

В 1973 году меня избрали вторым секретарем горкома комсомола. В это время весь город готовился к празднованию 30-летия освобождения Таганрога, и главным подарком городской комсомольской организации к этой дате должно было стать открытие памятника героям-подпольщикам.

Говорили и мечтали об этом давно. Во всяком случае, об идее памятника я был наслышан с момента своего приезда в Таганрог. Даже средства на него собирали комсомольцы нескольких поколений. Но именно нам на долю выпало реализовать эту давнюю мечту.

На ее осуществление работал практически весь тогдашний аппарат горкома комсомола. Возглавлял эту работу Евгений Александрович Струков, а я занимался ею практически.

Сейчас уже можно сказать, что тех денег, которые собрали комсомольцы, вряд ли хватило бы даже на пьедестал. Без серьезной помощи крупных заводов мы не обошлись бы. Для этого надо было встречаться с директорами, беседовать, убеждать.

А директорами таганрогских заводов тогда были сплошь личности, авторитеты всесоюзного масштаба. Считаю, мне очень повезло, что благодаря комсомолу я близко познакомился с ними, оставившими неизгладимый след в памяти и сердце людьми, многому меня научившими, с которых хотелось брать пример. С Николаем Владимировичем Лутаем мы принимали всесоюзные ударные студенческие отряды на всесоюзную комсомольскую стройку - реконструкцию комбайнового завода. Сергей Моисеевич Головин преподавал мне наглядный урок настоящего патриотизма, любви к родным пенатам через конкретное и важное дело: мало кто знает, что ливневая канализация по улице Инструментальной была проложена на средства завода имени Димитрова и под личным руководством его директора. Все учебники по вопросам управления можно было бы иллюстрировать наглядными примерами стиля и методов работы Геннадия Ивановича Чернова. Большой величиной и сильной личностью был директор металлургического завода Павел Ефимович Осипенко.

Вот к нему-то я и обратился с просьбой выделить тысяч пять - семь (по тем временам деньги очень серьезные!) для закупки гранита на Докучаевском флюсо-доломитном комбинате в Донецкой области. То ли просил я уж больно горячо, то ли Павел Ефимович привык людям доверять, а не отмахиваться от просьб, подобно некоторым («Вы придумали, ну и делайте!»), только удалось выпросить у него чековую книжку с доверенностью на 10 тысяч. И поехал за камнем. Когда вернулся, показываю чек на израсходованную сумму, а там прописью стоит: «Девять тысяч девятьсот девяносто девять рублей». То есть деньги практически полностью израсходовал. Осипенко мне и говорит:

- Как же ты так?!

- Павел Ефимович, да не мог удержаться, чтобы еще гранита не взять.

Он только головой покрутил да улыбнулся. Кстати, и фигуры памятника были потом отлиты на металлургическом заводе...

А за гранитом я ездил еще с одним замечательным человеком - - Ашотом Антоновичем Межлумяном, ставшим почетным гражданином города. Несмотря на большую разницу в возрасте, мы с ним дружили, и я очень горжусь этой дружбой. Он тоже был фанатично преданный Таганрогу человек. Когда общаешься с такими людьми, сам заражаешься их энергией и увлеченностью! Вот сейчас пишу и тут же ощущаю душевный подъем. Вместе с горечью от сознания, что их давно нет рядом.

К заботам хозяйственным прибавлялись и организационные, и даже творческие. Мы плотно работали вместе со скульпторами — Валентиной и Владимиром Грачевыми. Скульптурную группу «Клятва юности» они создали в рекордные сроки, последние дни работая сутками напролет. При этом их творческий замысел многими был не понят, население выражалось неоднозначно, писали письма в разные инстанции. Приходилось отстаивать право художников на свое творческое видение образа, хотя это было непросто. Уговаривал не спорить о художественных достоинствах, а дать возможность наконец воплотиться памяти о героях в символ.

На стеле у памятника стихотворные строки Геннадия Сухорученко — поэта и журналиста, тогдашнего ответственного секретаря «Таганрогской правды». Среди многих замечательных стихотворений у него было это, бравшее за душу, под названием «Павшим»:

*Чайки над волною — это вы!
Алые гвоздики — это вы!
Гул комбайнов в поле — это вы!
Это вы — в космическом полете!
Вашими глазами смотрим мы...
Вашими руками строим мы...
Вашими сердцами любим мы...
Значит, вы бессмертны, вы живете!*

Все стихотворение — из строфы в строфу — пронизано одной темой в развитии. А нам нужно было всего лишь одно четверостишие. Стихи, как правило, — прошу извинить за сравнение — товар индивидуального потребления. А здесь они должны были стать общепритягательными. Словом, вместе с автором правкой занимались Татьяна Дараган и Шило. И наша редакция не была нарушением авторских прав. Геннадий все правильно понял и не обиделся. Хотя тогда спорить с секретарями горкома комсомола было не с руки, но тем не менее. У нас с ним всегда были добрые отношения, я считаю его одним из лучших журналистов за всю историю Таганрога. У него чувство гармонии было развито очень здорово. Что впоследствии оценили — пригласили на работу в «Молот», а потом Геннадий возглавил писательскую организацию на Дону.

И вот наступило 28 августа 1973 года—день открытия памятника подпольщикам, «Клятва юности», который преподнес нам, организаторам, массу треволнений. Никто не думал, не предполагал, что это событие привлечет вызовет такое огромное стечение народа. Впервые в Таганроге собралось вместе тысяч тридцать.

А день выдался исключительно жарким не только в переносном смысле. Еще за несколько часов до открытия ко мне прибежали из милиции: «Идите посмотрите, что там творится!» Я подбежал: собралось уже несколько тысяч человек. Наши планы и сценарий оказались под угрозой срыва. Люди уже полностью запрудили подходы, заняли газоны, и я был вынужден обратиться к начальнику УВД с просьбой усилить оцепление.

Разобрался с этим, возник новый вопрос, неожиданно другой, третий... Только и успеваю смахивать пот со лба. И тут вдруг звонит телефон прямой связи с первым секретарем горкома партии, что было вообще из ряда вон! Обычно этот телефон молчал, пользоваться им не приходилось, и он стоял на подоконнике весь в пыли. Хватаю трубку:

- Слушаю, Иван Елисеевич.

Есауленко меня огорошивает:

- Когда ваша скульптура будет открываться? Откуда нам к ней подъезжать с Иваном Афанасьевичем?

На открытие должен был прибыть тогдашний первый секретарь Ростовского обкома, известный всей стране И.А. Бондаренко. Я невольно растерялся:

- А почему вы спрашиваете?
- А ты знаешь, что там творится? — слышу в ответ.
- Я находился там часа полтора назад, уже много было людей, но меры я принял.
- Да там не то что подъехать — подойти уже невозможно!

А по-хорошему, конечно, руководителям области и города нужно было, наверное, подойти снизу, подняться по ступеням...

- Давай так. Мы подъедем на Гоголевский. Ты нас с милицией встретишь и проведешь.

Знакомство с Иваном Афанасьевичем Бондаренко вышло тесным в буквальном смысле слова. Огромного труда стоило провести его через толпу, запрудившую Октябрьскую улицу, к памятнику. Людской поток стекал по обеим сторонам Спартаковского переулка вплоть до Ленинской, остановив движение трамваев по улице Фрунзе. Балконы и крыши близстоящих домов были усеяны зрителями, мальчишки и парни постарше гроздьями свисали с деревьев...

Митинг начался. По сценарию выступление первого секретаря обкома шло последним — он должен был открывать памятник. И надо же было такому случиться! За несколько минут до его выступления в толпе порвали провод микрофона. Помню вмиг побледневшее лицо Струкова, совершенно белое - - Татьяны Михайловны Дараган, круглые от ужаса глаза Анны Петровны Григорян (тогдашнего комсорга горкома по группе школ), делавшей из радиобудки какие-то знаки. Помню, как Анатолий Кулаков (мой однокашник, работавший в КГБ) пытался зубами соединить провод... Его все-таки успели соединить к моменту выступления Ивана Афанасьевича.

И вот долгожданный миг открытия. В ходе его подготовки нам очень помог один из старейших работников театра по фамилии Хвостов — он был специалистом по сбрасыванию покрывал, разработал целую систему колец. Но я на всякий случай решил подстраховаться и поставил сзади скульптуры инструктора, державшего палку с гвоздем. Пригодилось! Покрывало медленно спадает и... цепляется за руку. Тут его и сдернули.

А потом гремел салют, люди рукоплескали и ликовали, а мы... Мы гордились, что довели дело, начатое нашими предшественниками, до конца.

Тогда, на митинге, кстати, мне довелось познакомиться с автором книги «Герои Таганрога», Героем Советского Союза Генрихом Борисовичем Гофманом, с которым мы потом долгие годы поддерживали близкие отношения. Благодаря ему, ознакомился со многими архивными документами, которые по-новому открыли мне Таганрог и таганрожцев. Разве может быть случайностью, что именно в Таганроге в годы Великой Отечественной войны действовала самая крупная городская подпольная организация? Для меня — сына офицера, выросшего в солдатской среде, сызмальства получившего уроки неподдельного патриотизма, этот факт недавней истории значит очень много. В нем как в капле воды отразился характер города, ставшего моей неизбывной любовью и судьбой.